Теві

Кусок хлеба

Jebi

Кусок хлеба

«Автор»
2026

Jebi

Кусок хлеба / Jebi — «Автор», 2026

Средневековая Норвегия. Городок Соренди, забытый всеми, кроме тифа и голода. Двенадцать лет — это возраст, когда уже знаешь цену пустому ведру и остывшему очагу.Нелли знает. Год назад она ушла за водой, чтобы согреть маму, — и вернулась слишком поздно. Теперь в лихорадке горят отец и младший брат. В церкви, где пахнет смолой и воском, стоит ящик для пожертвований. Всего пара монет — и можно купить лекарство. Всего один кусок хлеба — и можно пережить ещё одну ночь.Но в темноте угла её ждёт кто-то в сером плаще. Он не винит. Не угрожает. Он лишь спрашивает: «Ты правда хочешь этого?»Это история о том, что чудо — не «всё стало хорошо». Чудо — это когда у тебя остался один день, один кусок хлеба и один выбор: остаться собой или перестать им быть.Рождественская повесть о вине, прощении себя и цене, которую мы платим за тепло.

© Jebi, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Кусок хлеба

Глава 1.
Пустое ведро

Я проснулась от холода. Не от того, что на улице, — от того, что внутри. В доме кончались дрова. Дым от очага давно не поднимался к потолку, и дыра в крыше, через которую он должен был выходить, теперь просто пропускала снег. Ветер напевал сквозь неё какой-то древний напев — то ли величественный, то ли поминальный. Наш дом — *årestue*, как и большинство крестьянских домов в наших краях: длинный, тёмный, сколоченный из брёвен, с одним крошечным оконцем. Внутри пахло копотью, сырой шерстью и вяленой рыбой. За изгородью, в небольшом загоне, должен был быть скот, чтобы в доме становилось теплее. Но у нас его не осталось. Лишь одна худая коза — и та вот-вот умрёт.

За перегородкой кашлял отец. Юнас не кашлял. Он горел.

Я встала. Нащупала в темноте ведро. Пустое. Как тогда. Год назад.

Почти каждый день я мысленно возвращаюсь туда… Я ушла за водой, чтобы согреть маму. Папа с братом уехали за врачом, надеясь получить хоть какую-то помощь на последние пару скиллингов.

Зима всегда была тяжёлым временем, но если в город приходила эпидемия — она не щадила никого. Особенно тех, кто беден. Тех, кто и так живёт день ото дня в попытках прокормить семью и отопить дом. Мороз проедал кости, кто-то замерзал прямо на улице, а снег стирал их существование в считанные часы, хороня под своим невозмутимым покровом.

Когда я вернулась в тот вечер… Мама умерла. Одна. В полной тишине и темноте нашего продуваемого всеми ветрами дома, в углах которого, среди запаха рыбы и пота, давно приютилась смерть.

После того как отец и брат вернулись, я не рассказала о том, что меня не было рядом с ней. Они даже не знали, что она умерла одна. И теперь я носила в себе эту вину. Не в её смерти — как я поняла позже, та была неизбежна. Но… Я не должна была уходить. Она хотела бы, чтобы кто-то был рядом, а в итоге…

Эпидемия тифа не отступала уже вторую зиму. В прошлом году болезнь унесла жизнь мамы, а в этом году, возможно, заберёт кого-то ещё. А может, и обоих. И я не знаю, что буду делать. Останусь одна. Возможно, тоже умру. Но я боюсь умирать. В Соренди живёт старуха по имени Рагна. Мрачная женщина. Она часто говорила, что Смерть приходит с первыми заморозками и прячется в колодцах или под порогом. Рагна уверяла, что Смерть может явиться в любом обличье. Будь то ткачиха, торговец хлебом или даже священник. «И как тут распознать? — говорила она, постукивая костяшками пальцев по столу. — А по ночам услышишь, как кто-то скребётся в дверь ногтями из нетающего льда, и зловещий шёпот — так знай: это она выкликает имена тех, чьё время пришло. Если откликнешься на незнакомый голос в темноте — кровь застынет, и к утру тебя вынесут вперёд ногами», — шамкала она, протягивая ко мне скрюченные, костлявые пальцы. Теперь я боюсь даже собственной тени.

Но временами я приходила в церковь. Обычно одна, но когда-то с отцом или братом. Я не знала, во что верю. Возможно, верила почти всему, что слышала, как самый обычный ребёнок. Но там, при церкви, служила женщина по имени Кристи Хансен. Она всегда была какой-то умиротворённой. Кто-то говорил, что она блаженная, а то и вовсе святая. Её будто не заботили тяготы мира, царящие за пределами этого тихого убранства, где она проводила часы в молитве или просто сидела, а иногда рассказывала что-то собравшимся там детям.

Она и говорила: «Дети, не верьте тому, что старушки на улице шепчут. Лучше помолитесь и со спокойной душой ложитесь спать».

На улице было почти темно. Солнце висело низко, как затухающая свеча.

Я стояла в очереди к колодцу. Женщины держали вёдра и говорили тихо, но так, чтобы слышали все. Каждая боялась услышать в кашле прохожего имя своего ребёнка.

Я перехватила ручку ведра другой рукой. Пальцы уже не гнулись. Очередь двигалась медленно, и каждая женщина, опуская ведро в колодец, будто заглядывала вниз — не прячется ли там кто. Я тоже заглянула. В чёрной воде отразилось моё лицо: бледное, чужое. Я отвернулась.

— Бог отвернулся от нас, — сказала старуха с лицом, похожим на печёное яблоко. — Поди, согрешил кто-то. Раз болезнь не отступает.

— А теперь ещё и Ангел смерти среди нас ходит, — подхватила другая. — Заманивает людей в сети.

— А помните Хальварда, кузнеца? — прошептала третья.

— Он живой? Больше года, должно быть, про него ничего не слыхивала. Думала, умер вслед за женой и сыном или уехал по-тихому из города.

— Ещё как жив… Только это будто и не он. Я видела его. Два дня назад. Окликнула. А у него…

— Что?

— Глаза чёрные, как бездна. Нечеловеческие. Словно вселился в него кто-то.

— Господи, упаси.

— Давно слухи ходили, что после того, как сын его прошлой зимой в проруби утонул, он душу продал. Видать, так оно и есть. Должно быть, не смог вынести отведённого ему горя.

Я не слушала. Думала о Юнасе. О том, что дома нет хлеба. О том, что ведро снова пустое. Боялась, что вернусь и всё повторится, как с мамой.

А какая-то девочка стояла неподалёку и смотрела на них, впитывая каждую сплетню. Они заметили это и вскоре смолкли:

— Тише, дети услышат.

На скамье у ближнего дома мужчина ел или, точнее, грыз хлеб с толчёной сосновой корой. Жёсткий. Горький.

А во дворе напротив кто-то, похоже, пытался обухом топора разбить твёрдую, как камень, сушёную треску — *tørrfisk*.

Я уже набрала воду и собиралась возвращаться. К тому времени наконец стало тихо. И вдруг из толпы раздался голос — похоже, той самой девочки:

— А я слышала, что перед Рождеством людям является посланник Бога. Те, кто уже лежал на дне могилы, вставали. И те, кто их помнил, потом не узнавали.

— Сказки это всё. Кто тебе это сказал? — промолвила одна из старух.

— От Кристи Хансен. Той, что при церкви служит. И моя бабушка клялась, что видела. Собственными глазами.

Старуха пожала плечами и, махнув рукой, бросила:

— Ну кто знает, что она там видела. Мы-то не видели. Бог один только знает, что в этом злополучном городке происходит.

Мои руки заледенели. Я пыталась дышать на них. Живот сводило от голода. Я привыкла. Но всё равно было больно. Вода была набрана, но ноги сами понесли меня к церкви. Может, я хотела согреться. Может, увидеть Кристи. Может, просто не возвращаться домой, где пахло смертью. Где меня, возможно, уже никто не ждал.

Ведро было деревянное, тяжёлое. Ручка скользкая, норовила выскользнуть из рук. Пахло сыростью и ржавой водой. Когда я несла его, оно скрипело. Тихо. Как будто жаловалось. Оно было полно почти до краёв — и всё равно казалось пустым. Мне чудилось, что, сколько бы я его ни набирала, вода в нём убывала, стоило только отвернуться.

И во сне меня преследовала вечная дорога к колодцу. Я пыталась принести воду домой, но как только оказывалась на пороге, в ёмкости не оставалось ни капли. А из комнаты доносились жалобные стоны мамы, папы и брата.

В церкви было темно. Свет пробивался только через крошечные отверстия под крышей — круглые, как иллюминаторы на корабле. Столбы были как мачты. Я стояла и смотрела вверх, и мне казалось, что церковь — это перевёрнутый драккар, который плывёт по снегу. Внизу всегда царил густой сумрак, дополняемый тусклым мерцанием восковых свечей.

Во время службы практически весь приход молился, стоя на холодных деревянных половицах.

Скамьи были только для стариков и больных. В такие моменты я тоже стояла вместе со всеми. Ноги леденели. Но я привыкла.

В глубине церкви за деревянной перегородкой находился алтарь, украшенный вырезанным из дерева распятием.

Неподалёку от него всегда стоял небольшой ящик для пожертвований.

Я подошла ближе и заглянула в него через толстую тёмную щель сверху.

На дне — несколько монет. Немного. Но всё же…

Эти деньги были не для нас. Их опускали в ящик на церковь, на свечи, на то, чтобы дом Божий стоял и не рушился. Взять их означало украсть у Бога. Не выпросить, не получить по праву — украсть.

«Но кому сейчас дело до церкви? — проскочила мысль. — Люди умирают. Полгорода лежит по домам, кашляет и не встаёт. Свечи всё равно никого не спасают. Что будет, если я возьму? Кому станет хуже?»

«Бог и так отвернулся от нас», — сказала старуха у колодца. *Может, и от меня тоже.*

Я знала, что это, скорее всего, неправда. Знала, что так можно оправдать что угодно. Но всё равно стояла и смотрела. Если я возьму — смогу купить хлеба. Или лекарства. Или дров. Хоть что-то. Юнас может не дожить до утра, если я не возьму.

Я огляделась. Пусто и тихо. Здесь точно никого не могло быть. Лишь тени свечей трепетали оранжевыми ореолами на тёмных стенах.

Я уже почти опустила руку в ящик — пальцы не слушались, — как вдруг что-то внутри сжалось. *Нет. Это воровство. Настоящее*. Я отдёрнула руку. Стыд обжёг лицо. Но следом, где-то под ним, уже шевелилась другая мысль: *а если дома совсем нечего есть? Если кто-то завтра умрёт?* Я поняла, что могу вернуться. Что голод сильнее.

И вдруг я почувствовала чей-то взгляд на своей спине. Кто-то наблюдал за мной. Хотя мгновение назад здесь было пусто. По коже прошла дрожь. Я обернулась. Ни души. В следующий миг из тёмного угла послышался шёпот — тихий, будто кто-то позвал меня по имени. Голос был знакомым, но я не смогла вспомнить, кому он принадлежал. Я всё ещё смотрела туда, в темноту. И вдруг мне почудилось, будто по стене мелькнула тень. В этот момент чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнула и повернулась. Это была Кристи.

— Замёрзла? — спросила она.

Я кивнула, придя в себя.

Она взяла меня за руку. Руки у неё были тёплые. Как у мамы когда-то. Страх на мгновение отступил.

— Держи, — сказала она и протянула мне кусок хлеба. Ещё не остывший. Ароматный. Настоящий.

— А деньги? — спросила я. — Я не могу…

— Не за деньги, — сказала она. — Просто так.

Я взяла. Хлеб был тяжёлый и согревал ладони. Я не ела такого… уже не помню сколько. Тогда мне казалось, что его хватит не только мне, но и папе с Юнасом. И мы сможем наесться. Я завернула его в одежду и снова вышла на улицу.

Я шла и всё оглядывалась — не смотрит ли кто. Хлеб не остыл даже через ткань. Я прижимала его к груди, как что-то краденое. И не могла понять: то ли мне стыдно, то ли просто страшно, что он остынет раньше, чем я донесу его до дома.

Снег хрустел под ногами, словно кости мертвецов. Солнце уже успело окрасить фьорд в ледяной синий и скрыться за горизонтом.

«Возможно, это наша последняя ночь или одна из последних», — думала я.

Когда я вернулась домой, отец лежал на лавке, укрытый старой стригой — жёсткой, колючей, из очёса скота, который когда-то у нас был. Он не встал. Я подошла. Он открыл мутные глаза и попытался что-то сказать: «Нелли… Юнас…» — и снова закрыл их.

Я положила руку ему на лоб. Горячий. Как печка, которая сейчас едва грела, ведь дров почти не осталось…

Я закинула последние поленья.

Мама всегда подкладывала их иначе. Она говорила, что огонь чувствует руку. Я не умела так. Мои поленья прогорали быстро, оставляя только дым.

Согрела воды, попыталась накормить больных и затем легла сама, забившись в один из углов.

Глубокой ночью ветер гулял по верхушкам тёмно-зелёных елей, и где-то там, далеко за ними, было слышно, как с грохотом, похожим на стоны великанов, трещит лёд на фьорде.

Глава 2.
Торговец хлебом

Хальвард жил на окраине Соренди. Небольшой дом, такой же, как у остальных, только с внутренней мастерской и кузницей при дворе.

Жена его умерла несколько лет назад, но остался сын. Любопытный мальчик с добрым сердцем. Весной и летом, когда солнце золотило луга, а вода фьорда омывала берег, отец катал его на лошади. А сам мальчик любил помогать ему в кузнице — держал щипцы, подавал гвозди, смотрел, как раскалённый металл шипит в воде.

— Пап, а если сильно-сильно захотеть, можно выковать что угодно? — спрашивал он.

— Можно, — говорил Хальвард. — Если руки твёрдые. И сердце не боится.

Мальчик кивал. Он был рыжим, как мать. И сероглазым, как отец. И он не боялся. Ни огня. Ни молота. Ни темноты.

Тогда Хальвард думал, что самое страшное в его жизни уже случилось. Жена умерла. Но сын жив. И значит, он ещё может дышать.

Когда вновь пришла зима, лёд сковал водоёмы. Река была как ледяная горка. Скользкая. Блестящая. Она звенела под ногами, как стекло. Мальчишки кидали камешки в прорубь — и ждали, кто попадёт. Покров был толстый, но у проруби — тонкий. Сын Хальварда этого не знал. Он видел только камешек, который не долетел. Он наклонился за ним. Лёд под ним не треснул — он просто исчез. Как будто его и не было. Мальчик успел вскрикнуть. Или не успел. Мальчишки потом уже не могли вспомнить. Они помнили только шапку на снегу. И тишину.

Как только Хальвард услыхал о случившемся — щипцы выпали из его рук, он стремглав понёсся к водоёму. Течение унесло его сына дальше от проруби, туда, где лёд толще, где не достать. Он бил по льду камнем. Руки скользили. Он срывался. Падал на колени. Вставал. Бил снова. Пока камень не выпал из окровавленных пальцев. Тогда он просто сел на снег и заплакал. Громко. Как раненый медведь, у которого отняли детёныша. Река не изменилась. Она шумела подо льдом, как и раньше. Быстрая. Холодная. Ей не было дела до того, что случилось. Она просто текла.

Что-то сломалось в тот день в этом сильном человеке, способном руками гнуть железо. В кузнице пахло окалиной, холодным железом и старой гарью. Он разжёг горн, взял молот и принялся бесцельно бить им по наковальне изо всей силы — до тех пор, пока молот не выскользнул из онемевших пальцев. Разгоревшееся пламя высушило его слёзы, оставив лишь грязные мокрые дорожки на испачканных сажей щеках.

Когда Хальвард переступил порог пустого дома, в глаза бросились разбросанные на полу игрушки. Сквозняк гулял в распахнутую дверь, и деревянная лошадка тихо покачивалась из стороны в сторону. Но детского голоса здесь больше не было. И уже никогда не будет.

Хальвард опустился на табурет и долго плакал, согнувшись вдвое и закрыв лицо ладонями. Плакал, пока слёзы не кончились, а вместе с ними, казалось, иссякла и вся та нежность и любовь, что жили в нём до сих пор.

Шли недели. Он не выходил в город. Работа в кузнице остановилась, как и вся его жизнь. Но иногда по ночам он всё же приходил туда, разжигал горн и сидел, глядя в огонь, пока тот не начинал угасать.

В селении быстро поползли слухи и домыслы.

— Вот горе-то… — качали головами одни.

— Горе-то горе, — вторили другие. — Да только мальчик без матери рос. У него один отец и был. И тот не уберёг.

У старой Рагны всегда водилось слово на любой случай. Не смолчала она и теперь.

— Река забрала мальчонку, — проскрипела старуха. — Нёкк. Он всегда там, под льдом. Подстерегает. Кто близко к проруби подойдёт — того на дно и утащит.

Она торопливо осенила грудь крестным знамением. Но в её выцветших глазах застыл вовсе не страх перед речным духом, а какое-то тёмное, жадное любопытство.

***

Торговец шёл по улице, и снег под его ногами не скрипел. Люди не оборачивались. Собаки не лаяли. Он скользил тенью между теней, но сам видел всё.

Он видел женщину, которая прятала последний кусок хлеба от собственных детей, чтобы съесть его в темноте. Видел мужчину, который молился впотьмах и плакал, потому что не мог прокормить семью. Видел старуху, которая проклинала распятого Бога за то, что тот забрал её сына.

Он не осуждал их. Он просто шёл и ждал. Потому что рано или поздно кто-то из них обязательно прошепчет: «Я больше не могу». И тогда он окажется рядом. С хлебом — тёплым, ароматным, дышащим печью. И скажет: «Тебе не обязательно страдать».

Но тут до него донёсся запах гари из кузницы на окраине. Вместе с дымом ветер принёс кое-что ещё — такое же плотное, горькое и удушливое отчаяние.

Торговец улыбнулся. Время пришло.

Он не стучал. Просто переступил порог кузницы, возникнув из морозного пара и оседающей на снег золы так тихо, словно всегда был здесь. С ним вместе вполз холод — не уличный, а какой-то другой, от которого пламя в горне съёжилось и приникло к углям. В руке он держал корзину, накрытую холщовой тканью.

На наковальню, покрытую окалиной, он бережно, как святыню, опустил перед глазами Хальварда пышущий жаром подовый хлеб. Круглый, с хрустящей, тёмной корочкой, присыпанной крупной солью, он пах невозможным посреди зимнего мора блаженством.

— Зачем ты пришёл, торговец? Ты наверняка слышал о моём горе. Думаешь, мне нужен твой хлеб? На кой он мне? Я был бы счастлив умереть от голода. — Хальвард не поднимал головы. Его голос звучал как хруст промёрзшей земли.

— Не спеши умирать, Хальвард. Я пришёл не торговать, — торговец шагнул ближе к горну, протягивая бледные руки к угасающему пламени. — Я пришёл погреться у твоего очага. И разделить тишину с тем, кого предали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.